

Девушка в пилотке

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

К счастью, ещё живы сотни тысяч ветеранов прошедшей войны. Их целый слой в нашей цивилизации. Но они особенные. И та женщина, о которой я пишу, из тех, кто помог выиграть ожесточённую битву и сейчас не сдаётся в борьбе с временем и невзгодами.

Евлампию Петровне Трохачёвой восемьдесят шесть лет. Она лёгенькая и почти прозрачная, в больничной палате ходит в длинной розовой юбке и серобелой блузе. Из-под белого платочка выбиваются пышные серебряные пряди. Ходит почти неслышно, спина сгорбленная.

— Оттого и горб, что столько времени я проработала у операционных столов, всегда пригнувшись, — как бы оправдывается тихонько.

А на фотографии, которую показала мне её внучка, будто совсем другой человек. Пилотка лихо сдвинута вбок на чёрных кудрях, гимнастёрка с портупей. Военных фотографий мало — негде было сфотографироваться, а тут просто случай подвернулся.

Такой была она в двадцать лет, когда мобилизовали её на фронт. Отстригла косу и стала операционной сестрой в эвакуационном госпитале 3844. Руки у Ены были маленькие, ловкие. Главный хирург особо отличал Евлампию, а дел им всегда хватало — каждая атака бросала раненых на операционный стол. Грохот боёв под Вязьмой до сих пор снится. И кровь у неё была драгоценной четвёртой группы. Сколько она отдала её умирающим — литры и литры.

Уже во время наступления, переезжая с фронта на фронт, захватил в госпиталь маршал Жуков. Собрал накоротке персонал и сердечно поблагодарил сестер и хирургов, что именно 3844 известен быстрой обработкой раненых и хорошей им помощью. А потом спросил, кто из медработников особенно отличается на службе. Начальник госпиталя назвал тогда медсестру Евлампию — Ену Алексееву (её девичья фамилия такая была). Маршал захотел её увидеть. Она вышла из операционной, ладони в перчатках, даже руку не могла подать. И скорее снова в операционную. Но через какое-то время получила жуковскую медаль как память о том дне.

В операционной тоже дают чины. И Евлампия стала старшиной. А вскоре попала... на гауптвахту. Поручили ей сопроводить выздоравливающих в тыл, дали под начало полсотни солдат. А эшелон застрелял в пробке под Москвой. Среди раненых — половина москвичей. Они упросили старшину отпустить их на побывку домой, обзвываясь в точное время вернуться. Уговорили. А тут нагрянул контроль, и выяснилось, что половины команды нет. Комендант рассердился:

— За такой проступок, если раненые не вернутся, — прямой ход под трибунал. А пока — на гауптвахту.

Отобрал пистолет, Евлампию запер в подвале. И вот время отправки, а солдат нет. Все объявись лишь за несколько минут до отправления. Комен-

Евлампия в части получила направление и вместе всё с той же Клавой отправилась поступать. Оделась с иголочки — в новую форму, сапожки начистила. Но в институте девчонок сперва направили фотографии делать для документов. Ехали в трамвае, радовались забытой тишине. Не заметили, что какой-то высокий красивый мужчина

старше годами, опытом побогаче. Узнала Евлампию, что работает он в ярославском институте мономеров, в войну был «на броне», потому что, рассказывает моя собеседница, был занят в важной работе для танковой промышленности. Получил даже, по ее словам, звание лауреата Сталинской премии. И строптивой своей невесте обещал он самую светлую жизнь. Так что в конце концов Петровна, имевшая в багаже лишь гимнастёрку и шинель, уехала в Ярославль с полным набором невиданных за войну обнов в новую жизнь.

Действительно, такие изобретатели, как Иван Трохачёв, были на привилегированном положении. С тех пор Петровна не знала ни в чём нужды. А документы из мединститута Иван сам забрал, заявив, что не хирург ему нужен, а жена и мать его детей.

Спустя какое-то время Евлампия Петровна получила всё-таки диплом — но фельдшера-акушерки. И, став женой лауреата, тут же вышла на работу. Сначала устроилась в реанимацию Соловьёвской больницы, но ненадолго — кровью и смертями она переполнилась ещё в своём госпитале. Поэтому перешла в детскую больницу, где познакомилась со знаменитым доктором Полетаевым и пользовалась его уважением.

Ивана Трохачёва до сих пор не только в НИИМСК, но и в городе многие хорошо помнят. Удивительный был человек — бескорыстный, увлечённый своей наукой, нежно привязанный к семье. Для Петровны он действительно сделал всё, что обещал. Родились двое сыновей — умные, в отца, старший потом стал прекрасным врачом.

А годы спустя, как канонада далёкого боя, стали Петровну догонять несчастья и потери. Умер Иван Романович. Хоронила она его мужественно, вроде бы и без особых рыданий, но в ту же ночь увезли её с тяжелейшим инфарктом. Сыновья тогда от неё не отходили, спасли. Но это была не последняя беда. Внезапно в результате несчастного случая погиб старший сын, потом в одночасье — второй. Ещё двумя инфарктами и двумя инсультами заплатила она своей судьбе.

Последние двадцать лет редкий год не попадает в больницу. Но что-то до сих пор живёт в ней от той девушки в пилотке. Ироничный ум, лёгкий нрав, неиссякаемое желание помогать другим. Рука дающего не оскудеет, говорит, а пенсия позволяет делать добро. В больницу она захватила, как всегда, для сохранности, часть своих наград. Самый дорогой для нее орден — Отечественной войны второй степени. Любит разгадывать сканворды. А когда медсестра приходит делать инъекции и теряется перед её хрупкой легонькой рукой, Петровна тихо подсказывает:

— Нажми здесь, поверни так...

Уйдет медсестра — Петровна порой и поворчит:

— Кажется, сама бы лучше сделала. Сколько всяких уколов на счету — тысячи, наверное...

Инна КОПЫЛОВА.

данту пришлось портупею отдавать.

Фронт резко двинулся на запад. Госпиталь — вслед за наступающими.

После каждой атаки в траншеях оставались раненые. Весь персонал отправлялся проверять окопы, перевязывать раненых. И вот однажды Евлампия с подружкой Клавой подобрали одного из особенно тяжёлых, понесли к госпиталю. Евлампия держалась за передние ручки. Вокруг взрывы, стрельба. Вдруг почувствовала: в сапоге горячо стало. Глянула вниз — весь бок в крови. Но носилки не бросила, сумела осторожно положить на землю и только потом потеряла сознание. Один из солдат на руках донёс её до медсанбата — и прямо на операционный стол.

Рана оказалась тяжёлой. Когда по временной узкоколейке подошёл составчик, увозивший раненых в тыл, отправили и её — без сознания, в жару.

Попала она во Владимирский госпиталь к тому хирургу, с которым до войны работала. Через полтора месяца выписали её и дали инвалидность на полгода.

Война уже кончалась. Пришло известие, что фронтовики вне конкурса будут принимать в Горьковский мединститут, возобновлявший работу.

глаз со старшины не сводит. Сказал, что тоже к фотографу едет. Там и познакомились — Иван Романович Трохачёв из Ярославля. Слово за слово — Иван с ходу сделал Ене предложение.

А она в то время искала следы лейтенанта-артиллериста, после тяжёлого ранения попавшего в их госпиталь. Связывали молодых людей нежная симпатия и планы на будущее. Там такая же была любовь с первого взгляда. Хирург послал Евлампию сделать перевязку тяжёло кровотокающей раны на бедре поступившего артиллериста. А как было повязку наложить?

— Товарищ артиллерист, разрешите...

А раненый вдруг покраснел, смутился и решительно сказал: — Только не вы!

Пришлось другим девчатам звать. А они над ней шутили: влюбился парень.

Только война Василия Дробышева не пощадила, почти лишила зрения, и он, не захотев стать обузой девушке, исчез с её горизонта. Но Евлампия его искала. И посмеявшись над новоиспечённым женихом — стояло из Ярославля в Горький за невестой ехать — сказала, что замужем, ребёнок есть.

Но провести Ивана Трохачёва ей не удалось. Он был по-